

УДК 159.9

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЛИЧНОСТИ ТЕРРОРИСТА

С.П. Политова

Аннотация

В статье описываются результаты психологического исследования социального представления о личности террориста, существующего у современной молодежи (на примере студентов Казанского государственного университета). На основе исследования был составлен «портрет» террориста, присутствующий в сознании людей. Проведен также системный психологический анализ особенностей данного представления в связи с индивидуально-типологическими особенностями респондентов, что позволило обнаружить два механизма формирования и функционирования социального представления: когнитивный, т. е. не связанный с характерологическими и эмоциональными особенностями испытуемых, и когнитивно-эмоциональный, т. е. сопряженный с данными свойствами, как правило, с тревожностью и эмоциональной лабильностью.

В настоящее время терроризм является сложным социальным явлением, представляющим угрозу стабильности для многих стран мира. Терроризм возникает и развивается в результате взаимодействия многих факторов, имеющих исторические, этнопсихологические, политические и другие корни. Проблема терроризма в последние десятилетия активно анализируется политологами, юристами, психологами, однако до сих пор одной из фундаментальных проблем остается выработка единого понятийного аппарата и, прежде всего, определение самого понятия «терроризм» и установление его признаков. При этом расхождение в понимании сущности терроризма обусловлено, в первую очередь, различным видением его целей и мотивов [1].

Так, например, Л.А. Моджорян понимает под терроризмом акты насилия, совершаемые отдельными лицами, организациями или правительством, направленные на устранение нежелательных политических или государственных деятелей или на дестабилизацию государственного правопорядка в целях достижения определенных политических результатов.

Д. Ольшанский избегает сужения проблемы до сферы политики и предлагает понимать терроризм как «обобщенное понятие, обозначающее ... комплексное явление, включающее страх и ужас как цель определенных (террористических) актов и действий, сами акты и действия, их конкретные результаты и весь спектр более широких последствий [2, с. 18]. В своей работе «Психология терроризма» Д. Ольшанский предлагает рассмотреть проблему терроризма с позиций амбивалентности оценок этого явления, а именно: в ситуациях, когда террористические действия отражают интересы общественного большинства

либо осуществляются в рамках официально ведущейся государством войны, общество не рассматривает эти действия как террористические, а тех, кто их осуществляет, называет скорее национальными героями, нежели террористами. Таким образом, проблема терроризма возникает только для реальных или потенциальных ее жертв. Этот аспект явления должен заставить исследователей искать корни терроризма максимально глубоко, поскольку если борьба с терроризмом сводится фактически к борьбе лишь с некоторыми его формами, то встает проблема дифференциации «нормальных», т. е. приемлемых и недопустимых форм терроризма, которая по содержанию вполне может быть сопоставима с проблемой Добра и Зла и т. п. морально-нравственных проблем.

Амбивалентность в оценках снимается, если, например, вслед за одним из ведущих террологов У. Лакером понимать под терроризмом применение негосударственного насилия или его угрозу с целью вызвать панику в обществе, дискредитировать или свергнуть должностных лиц и внести политические изменения. В этом случае критерием дифференциации приемлемых и недопустимых террористических действий выступает их исполнитель: т. е. если определенные действия осуществляются государством, то это не терроризм, а если эти же действия используются негосударственными структурами (как их называет Т. Герцог, «частными лицами» [1, с. 5]), то это уже терроризм. На наш взгляд, вряд ли какие-либо действия могут быть оправданы тем, что их использует государство, хотя, безусловно, в авторитарных политических системах данный подход используется как основной закон государственного устройства.

Анализ имеющихся научных взглядов, а также уголовно-правовых документов и уголовного законодательства различных государств (как это ни парадоксально, но законодательство многих стран мира вообще не содержит определений терроризма, что, впрочем, может объясняться существующей гипотезой о том, что терроризм возникает только в демократических государствах [3]) позволил выделить исследователям ряд признаков этого социально-политического явления:

- особые методы террористической деятельности;
- преднамеренное создание обстановки страха;
- публичность, пропагандистский характер террористических акций;
- причинение непосредственного вреда одним субъектам для принуждения к определенному поведению других лиц;
- повышенная общественная опасность [1].

Как можно заметить, в данных признаках не присутствует указание на политический характер террористических действий, поэтому, с нашей точки зрения, понимание терроризма как формы политической борьбы не отражает всей глубины данного явления. Так, например, Д. Ольшанский рассматривает в качестве основных сфер терроризма политический терроризм (т. е. оказание влияния на власти посредством террористических действий), информационный (воздействие на сознание людей с целью формирования определенных мнений, управляющих поведением), экономический (дискриминационные действия в отношении субъектов экономики) и бытовой («обыденная» преступность). Такое понимание подчеркивает весь масштаб проявлений терроризма, включая в него и нечестную экономическую конкуренцию, и некоторые аспекты деятель-

ности СМИ, и уличные кражи. Безусловно, автор не предлагает четких вариантов стратегии по борьбе со столь масштабной проблемой, однако заставляет взглянуть по-новому на явление, которое традиционно в средствах массовой информации (а это, фактически, четвертая власть) отождествляется с деятельностью отдельных экстремистских группировок.

Таким образом, теоретический анализ показал, что существует значительное противоречие между актуальностью проблемы терроризма в современном обществе и недостаточной ее разработанностью. В частности, большинство предпринимаемых политологами, криминалистами, психологами исследований акцентирует вопрос генезиса явления терроризма, а проблема борьбы с ним и профилактики его возможных последствий поднимается с большой осторожностью. В.В. Устинов цитирует Р. Фриндлендера: «терроризм как погода – все говорят о нем, но никто не может ничего сделать, чтобы его изменить» [4, с. 95]. Например, констатируется, что необходима разработка «...краткосрочной тактики борьбы с терроризмом с привлечением соответствующих служб всех стран, заинтересованных в этом, и долгосрочной стратегии, устраняющей последовательно социальные и нравственные причины возможной деятельности террористов» [4, с. 155]. При этом возможность реального воплощения данного методологического (стратегического) направления не конкретизируется.

В.В. Устинов, анализируя предлагаемые различными авторами пути противодействия терроризму, предлагает использовать более осторожный термин – «контроль над терроризмом» – и выделяет следующие его варианты: предупреждение актов терроризма, устранение или смягчение политическими методами проблем и борьбу с террористами. При ближайшем рассмотрении данные меры оказываются *тактикой* по «контролю над терроризмом», при этом автор ссылается на работы О.М. Хлобустова и С.Г. Федорова, в которых описаны требования, которым должна удовлетворять адекватная антитеррористическая *стратегия*, а именно:

- идеологическое, информационное, организационное противодействие формированию у граждан террористических намерений и настроений;
- правовое, информационное, административное и оперативное противодействие возникновению террористических групп и организаций;
- недопущение приобретения оружия и иных средств осуществления преступных действий лицами, вынашивающими террористические намерения;
- оперативное, боевое, уголовно-правовое пресечение террористических действий на стадиях планирования или, в крайнем случае, реализации;
- формирование в обществе устойчивого мнения о недопустимости террористических методов протеста и абсолютной невозможности каких-либо уступок террористам и соглашений с ними.

Вместе с тем, согласно мнению Л.Я. Гозмана и Е.Б. Шестопаля, «террористов можно и нужно обезвреживать и наказывать, однако победить терроризм как явление можно будет только тогда, когда в обществе создастся такая атмосфера, что все, в том числе и сами террористы, поймут, что даже для тех, кто разделяет их политические или религиозные взгляды, они, в лучшем случае, являются опасными сумасшедшими... Бороться с террористами должно государство, но победить их может только общество» [5, с. 47].

Тот факт, что проблема терроризма уже давно приобрела государственный и даже мировой масштаб, требует, на наш взгляд, рассмотрения отношения каждого человека к данной проблеме. Как показывают современные исследования, несмотря на участвовавшие случаи проведения террористических акций в российских городах, сопровождающиеся значительными жертвами, в сознании у россиян отсутствует не только единый алгоритм действия в случае угрозы совершения теракта, но и осознание существенных характеристик терроризма как глобальной социально-политической проблемы. Проведенный в 2002 году опрос фонда «Общественное мнение» показал, что у населения отсутствует также понимание того, кто же такие «международные террористы». Это «бандиты, враги человечества, нелюди», – ответили 26% опрошенных. «Преступники мирового масштаба» – 16%. «Фанатики» – 6%. «Группировки, банда, мафия» – 5%. «Наемные убийцы» – 5%. «Стремящиеся к мировому господству» – 4%. «Агрессивные приверженцы ислама» – 3%. «Психически нездоровые люди» – 2%. «Мстители» – 2% [2].

Существующая в российской ментальности традиция приписывать причину государственных проблем личности одного человека, например главе государства, проявляется в изучаемой нами проблеме как неготовность участвовать в борьбе с возможными проявлениями терроризма, описываемая обычно следующим образом: «А что я могу сделать? У меня нет возможности оказывать влияние на положение дел. С этим должны разбираться власти». Таким образом, проблема «упрощается» и становится в сознании рядовых граждан, согласно нашим наблюдениям, в основном политической проблемой, а сами граждане осмысливают себя лишь как ее потенциальных жертв и не более того. Однако, если мы присваиваем проблеме терроризма статус глобальной проблемы (т. е. актуальной для всего человечества), ее решение возможно только при объединении усилий всего человечества. И первым шагом здесь, на наш взгляд, должно стать адекватное осознание каждым человеком происхождения этой проблемы, которое будет закреплено в социальном представлении о проблеме и ее субъектах.

В этой связи нами было предпринято исследование особенностей социального представления о личности террориста, существующего у современной молодежи.

Категория «социальное представление» вводится психологами для изучения вопроса о том, каким образом человек организует познание многообразных явлений окружающего мира. Автором теории социальных представлений выступил французский социальный психолог С. Московиси [6]. Для С. Московиси социальные представления – это не звенья в переходе от восприятия к мышлению или от образа к понятию, а это есть осмысленные знания, а также форма познания социальной действительности. Таким образом, понятие «социальное представление» есть психологический эквивалент понятиям «миф» и «верование».

Социальное представление при таком его понимании выполняет три основные функции:

1) оно является инструментом познания социального мира (его роль здесь аналогична роли обычных категорий, посредством которых индивид описывает, классифицирует, объясняет события);

2) оно есть способ опосредования поведения (способствует направлению коммуникации в группе, обозначению ценностей, регулирующих поведение);

3) оно является средством адаптации совершающихся событий к уже имеющимся знаниям, т. е. способствует сохранению сложившейся картины мира.

Социальные представления возникают в обыденном, повседневном мышлении с целью осмысления и интерпретации окружающей человека социальной реальности. Механизм возникновения социального представления включает в себя три этапа. Суть первого этапа – «зацепления» – состоит в том, что сначала всякую новую идею (как правило, незнакомую) нужно как-то «зацепить», зафиксировать в ней что-то такое, что позволит ее вписать в уже существующую рамку понятий. Таким образом, в формировании социального представления, безусловно, участвует предшествующий опыт человека.

Второй этап – объективация. Она чаще всего осуществляется в форме персонализации, т. е. попытки привязать понятие к какой-нибудь личности. Важно подчеркнуть, что новое, неизвестное сводится таким образом к более известному конкретному имени, конкретной личности (персоне). Объективация может осуществляться и в другой форме – фигурации. При этом содержание понятия, обозначающего для обыденного человека нечто новое, незнакомое привязывается не к имени кого-либо, а к некоторой формуле.

Следующий этап – натурализация: принятие полученного «знания» как некоторой объективной реальности. Посредством данного механизма странное и незнакомое становится со временем понятным.

Одна из ключевых идей С. Московиси состоит в том, что социальное представление не есть «мнение» отдельного человека, но именно – «мнение» группы, которое можно рассмотреть как ее своеобразную «визитную карточку». Мнение одной группы может не совпадать с мнением других групп или противостоять им. При этом социальные представления очень устойчивы: однажды возникнув, они транслируются из поколения в поколение, напоминая в этом своем движении механизмы передачи стереотипов.

Социальное представление формируется под влиянием большого количества социальных институтов, таких как семья, образование, СМИ, законы, социальная политика, нормы и ценности общества, референтные группы и т. д.

Зная механизм формирования социальных представлений в обществе, а также их влияния на жизнь общества, представляется возможным изучить каналы возможного целенаправленного формирования нужного представления с целью вовлечения общества в борьбу с деструктивными явлениями современного мира хотя бы на уровне адекватного отношения к социальным проблемам.

Испытуемыми в описываемом исследовании выступили студенты 3 курса юридического, исторического, механико-математического, географического, филологического факультетов, а также факультета международных отношений Казанского государственного университета (КГУ) – всего 261 человек. По результатам диагностики 26 бланков были признаны недействительными в связи с превышением предельно допустимых значений по шкалам лжи. Таким образом, выборку исследования составили 235 человек, из них 68 юношей и 167 девушек в возрасте от 18 до 20 лет.

Молодые люди в большинстве своем активно взаимодействуют со всеми описанными выше социальными институтами, участвующими в формировании социальных представлений, соответственно, можно предполагать, что качество существующего у них социального представления будет отражать содержание представления, транслируемого всеми субъектами воспитания подрастающего поколения. Кроме того, студенчество, как показывает в том числе и исторический опыт, является самой чувствительной к социальным влияниям категорией граждан, что также определило ее выбор в качестве выборки исследования.

Исследование проводилось в сентябре 2006 года и было направлено на изучение социального представления о личности террориста, при этом было выдвинуто предположение о том, что существуют индивидуальные особенности в содержании данного социального представления, определяемые особенностями индивидуальности его носителей. Данное предположение основывалось на существующем в психологии знании, согласно которому процесс социального познания сопряжен с процессом самопознания, а особенности восприятия социальных явлений связаны с параметрами самовосприятия. В связи с вышеизложенным социальное представление изучалось в контексте с индивидуально-психологическими особенностями респондентов.

Для диагностики особенностей индивидуальности испытуемых использовался такой метод исследования индивидуально-типологических свойств, как Индивидуально-типологический опросник (ИТО), разработанный Л.Н. Собчик [7, с. 46–54] с позиций теории ведущих тенденций. Выбор данного метода обусловлен несколькими причинами. Во-первых, метод позволяет определить ведущие тенденции, т. е. базисные свойства личности, которые пронизывают все уровни самосознания: и самые низкие, биологические, и характерологические свойства, и уровень социальной активности человека. Во-вторых, данный опросник содержит две шкалы достоверности – шкалу лжи (неискренности) и шкалу аггравации (подчеркивания проблем), что позволяло контролировать достоверность полученных данных. Таким образом, в анализе участвовали следующие показатели:

- П. 1 – неискренность;
- П. 2 – аггравация;
- П. 3 – экстраверсия;
- П. 4 – спонтанность;
- П. 5 – агрессивность;
- П. 6 – ригидность;
- П. 7 – интроверсия;
- П. 8 – сензитивность;
- П. 9 – тревожность;
- П. 10 – лабильность.

Для выявления существующего у респондентов представления о личности террориста и его содержательного наполнения использовалась методика диагностики межличностных отношений Т. Лири [7, с. 55–71]. Соответственно, инструкция звучала так: «Отметьте, пожалуйста, на бланках номера тех качеств, которыми, с вашей точки зрения, может быть описана личность террориста». На возникающие в некоторых случаях вопросы испытуемых о том, какого

именно по рангу террориста нужно охарактеризовать – организатора, исполнителя, камикадзе и т. д., экспериментатор отвечал: «Охарактеризуйте того, с кем у Вас ассоциируется слово «террорист»».

В анализе участвовали показатели по 8 октантам:

- 1 – авторитарность (П. 11);
- 2 – эгоистичность (П. 12);
- 3 – агрессивность (П. 13);
- 4 – подозрительность (П. 14);
- 5 – подчиняемость (П. 15);
- 6 – зависимость (П. 16);
- 7 – дружелюбность (П. 17);
- 8 – альтруизм (П. 18).

Первые четыре октанта характеризуют преобладание неконформных тенденций в межличностных отношениях, из них 3 и 4 описывают склонность к конфликтным проявлениям, а 1 и 2 – упорство в отстаивании собственного мнения, тенденцию к лидерству и доминированию. Другие четыре октанта представляют противоположную картину: подчиняемость, неуверенность в себе, склонность к компромиссам.

Все экспериментальные данные в соответствии с задачами исследования подвергались качественному анализу и математической обработке, которая включала в себя статистическое сравнение средних показателей по *t*-критерию Стьюдента, а также вычисление линейных корреляций по программам, составленным на кафедре психологии КГУ.

Согласно полученным средним значениям (см. табл. 1) портрет личности террориста в социальном представлении о нем выглядит следующим образом: это хороший руководитель, наставник и организатор, уверенный, независимый, любящий соперничество, искренний, непосредственный, настойчивый в достижении целей, неконформный, скептически настроенный, при этом у него практически отсутствуют такие качества, как повышенное чувство вины, зависимость от мнения окружающих, дружелюбие, готовность помогать и сочувствовать окружающим, альтруизм и т. д. При этом, хотя и получены статистически достоверные различия в оценках по 5–8 октантам между юношами и девушками, можно говорить о том, что портреты в целом идентичны, так как средние значения по данным октантам слишком малы (содержательно баллы 2.41 и 1.55 идентичны, т. е. описывают одно и то же свойство, вернее, одинаково указывают на его отсутствие).

Диапазон различий в оценках анализируемых качеств террориста, закрепленных в социальном представлении, высок только для первых четырех октантов. Значения 1 и 2 октантов расположились в максимальном диапазоне от 0 до 16 баллов. Значения по 3 и 4 октантам – в диапазоне от 0 до 15 баллов. Диапазон значений по октанту 5 значительно ниже – 0–7 баллов, по октанту 6 – 0–10 баллов. Было обнаружено также, что характеристики личности террориста, описываемые 7–8 октантами, в социальном представлении всех испытуемых представлены практически одинаково. Значения октанта 7 – дружелюбность – находятся в диапазоне 0–6 баллов при среднем значении 0.7 баллов (значения 8 баллов встретились у 2 испытуемых, 7 баллов – у 1). Значения октанта 8 – аль-

Табл. 1

Средние значения по октантам, характеризующим социальное представление о личности террориста

	среднее значение по октантам		<i>t</i> -критерий	значимость
	юноши	девушки		
авторитарность	5.59	4.78	1.587	незначимо
эгоистичность	7.24	6.64	1.125	незначимо
агрессивность	6.15	6.15	-0.001	незначимо
подозрительность	5.62	5.65	-0.067	незначимо
подчиняемость	2.14	1.3	3.273	$p = 0.01$
зависимость	2.41	1.55	3.013	$p = 0.01$
дружелюбность	1.17	0.42	4.346	$p = 0.001$
альтруизм	0.82	0.15	5.223	$p = 0.001$

труизм – варьируют от 0 до 5 баллов при среднем 0.39 баллов (лишь в одном случае встретилась оценка 10 баллов). Это означает, что большинство молодых людей считает террориста лишенным конформных черт, что, как правило, возникает при отсутствии глубоких межличностных привязанностей.

В целях углубления анализа нами были проанализированы индивидуальные различия в социальном представлении о террористе. Особенностью методики диагностики межличностных отношений является то, что она позволяет определить степень выраженности качеств, описываемых октантами, при этом показатели до 8 баллов характеризуют умеренную выраженность качества, от 9 до 12 баллов указывают на акцентуацию свойства, максимальные баллы отражают выраженные трудности в адаптации в связи с данным свойством.

Из общего числа испытуемых 134 человека (57%, в том числе 58% юношей и 37% девушек) считают террориста вполне гармоничной личностью, не имеющей акцентуаций и дезадаптирующих свойств, описываемых анализируемыми октантами. Отрицательным может быть названо лишь отсутствие у террориста стремления к сотрудничеству с людьми, потребности в помощи окружающих, альтруизма, склонности к конформизму, чувства вины и т. п. Таким образом, юноши гораздо чаще, чем девушки склонны считать террориста психически полноценным человеком, однако статистически достоверных различий индивидуально-типологических особенностей субъектов в разных представлениях обнаружено не было (см. рис. 1).

Лишь 11% испытуемых (10% юношей и 11% девушек) характеризуют террориста как дезадаптированного в связи с наличием гипервыраженности каких-либо характерологических свойств; 32% испытуемых (32% юношей и 52% девушек) считают, что некоторые качества террориста являются акцентуированными.

В табл. 2 представлены результаты подсчета количества испытуемых, характеризующих личность террориста как гармоничную, акцентуированную или дезадаптированную по каждому из первых четырех октантов в отдельности.

Как можно заметить, подавляющее большинство испытуемых не оценивают выраженность авторитарности, эгоистичности, агрессивности и подозрительности у террориста до уровня акцентуации и дезадаптации. При этом юно-

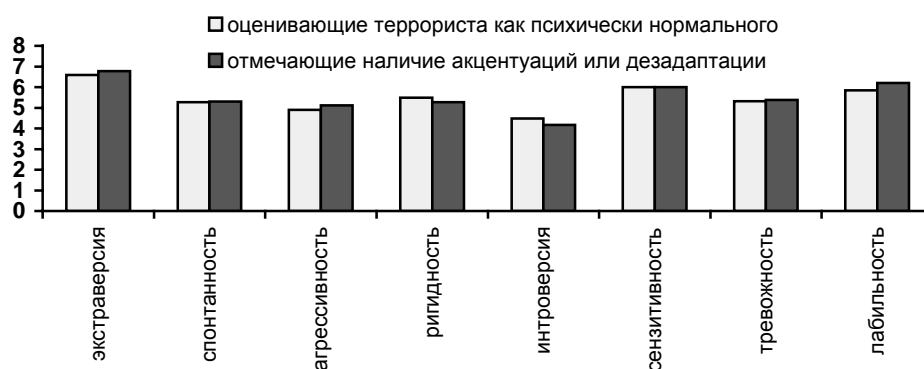

Рис. 1. Различия индивидуально-типологических свойств респондентов, по-разному оценивающих адекватность террориста

Табл. 2

Распределение испытуемых в соответствии с характером социального представления о качествах террориста (в %)

	авторитарность		эгоистичность		агрессивность		подозрительность	
	юноши	девушки	юноши	девушки	юноши	девушки	юноши	девушки
гармоничные оценки	78	86	62	70	79	79	84	79
акцентуация	16	11	28	21	15	20	15	19
дезадаптация	6	2	10	9	6	1	1	2

ши несколько чаще склонны оценивать акцентуированными и дезадаптирующими такие качества террориста, как авторитарность и эгоистичность, а девушки – агрессивность и подозрительность¹.

На наш взгляд, полученные данные можно рассматривать как недостаточную осмысленность образа террориста. Можно предположить, что процесс формирования социального представления о нем находится еще на начальных стадиях.

Проведенный корреляционный анализ позволил проверить гипотезу о наличии взаимосвязи между социальным представлением и индивидуально-типологическими особенностями испытуемых, что, согласно нашему предположению, свидетельствовало бы о сопряженности процессов социального восприятия и самовосприятия. Полученные результаты заслуживают глубокого осмысления.

В группе юношей (68 человек) были получены статистически достоверные корреляционные взаимосвязи П. 10 – лабильность и октанта 1, а также П. 8 – сензитивность и октанта 5. Однако значения коэффициентов корреляции чрез-

¹ В рамках данного исследования не проводилась математическая проверка гипотезы о различиях индивидуально-типологических свойств испытуемых, по-разному характеризующих отдельные свойства личности террориста, в связи со значительной разницей в числе респондентов. В этой связи считаем, что изучение механизмов возникновения индивидуальных различий в представлении требует организации дополнительных исследований.

вычайно малы ($r = 0.25$ и $r = -0.25$ ($p \leq 0.05$) соответственно), что не позволяет их рассматривать как заслуживающие рассмотрения. В группе девушек (167 человек) также были получены статистически достоверные взаимосвязи П. 6 – ригидность с октантами 4 ($r = -0.16$, $p \leq 0.05$) и 6 ($r = -0.24$, $p \leq 0.01$), П. 10 – лабильность и октанта 8 ($r = -0.22$, $p \leq 0.01$), однако их значения также предельно малы, что не позволяет говорить о сопряженности индивидуально-типологических особенностей и социального представления о террористе.

Однако дифференциация испытуемых на подгруппы в соответствии со спецификой получаемой профессии позволила в некоторых случаях получить достоверные коэффициенты корреляции с высоким уровнем значимости.

Так, в выборке юношей механико-математического факультета, принявших участие в исследовании, обнаружены следующие достоверные взаимосвязи:

– П. 8 – сензитивность с октантом 1 ($r = -0.9$, $p \leq 0.001$), октантом 2 ($r = -0.77$, $p \leq 0.01$) и октантом 3 ($r = -0.78$, $p \leq 0.01$), т. е. чем менее конформны испытуемые, тем более властным, доминирующим и агрессивным оказывается террорист в их представлении;

– октант 6 связан с П. 3 – экстраверсия ($r = -0.65$, $p \leq 0.05$), П. 7 – интроверсия ($r = 0.82$, $p \leq 0.01$) и П. 9 – тревожность ($r = 0.71$, $p \leq 0.05$), т. е. террорист в представлении людей тем менее конформен, чем более они общительны и тревожны.

В выборке девушек механико-математического факультета П. 1 – искренность связан с октантом 6 ($r = 0.67$, $p \leq 0.05$), т. е. чем более искренними были испытуемые, тем более неконформным они представляли террориста. П. 3 – экстраверсия связан октантом 5 ($r = -0.75$, $p \leq 0.05$), а также П. 9 – тревожность связан с октантом 8 ($r = 0.68$, $p \leq 0.05$), т. е. уровень высокий уровень тревожности респондентов сопряжен с отсутствием в социальном представлении о террористе такого качества, как альтруизм.

В студенческих группах других факультетов, в которых были обнаружены корреляционные взаимосвязи индивидуально-типологических свойств и параметров социального представления о личности террориста, чаще других достоверные корреляционные значения обнаруживал П. 10 – лабильность, который отражает изменчивость настроения, эмотивность и т. п. эмоциональные характеристики человека.

Таким образом, в тех группах, где особенности индивидуальности испытуемых оказались сопряжены с параметрами социального представления о террористе, одним из показателей, вступающих в корреляционные взаимосвязи, всегда был показатель повышенной эмоциональности – либо лабильность, либо тревожность. Оба этих свойства отражают склонность человека вовлекать эмоциональные критерии в когнитивные оценки. Следует, правда, оговориться, что социальное представление не является когнитивной дефиницией, а может содержать и элементы эмоционального отношения (сопричастности) к описываемому объекту. Полученные данные свидетельствуют, с нашей точки зрения, о том, что социальное представление о личности террориста у обследуемых испытуемых представлено двумя основными вариантами: когнитивным и когнитивно-эмоциональным. При этом под когнитивным мы понимаем вариант, обнаруженный в тех группах испытуемых, где социальное представление не было

сопряжено ни с тревожностью или эмотивностью, ни с другими индивидуально-типологическими свойствами.

Обобщая данный аспект исследования, считаем возможным заключить, что выдвинутое предположение о том, что существуют индивидуальные особенности в содержании социального представления о личности террориста, определяемые особенностями индивидуальности его субъектов, подтвердилось. Большинство испытуемых формируют социальное представление о личности террориста, используя при этом когнитивные механизмы (именно так следует расценивать отсутствие высоких коэффициентов корреляции между индивидуально-типологическими особенностями и параметрами социального представления в общей выборке испытуемых), однако в некоторых подгруппах возникают иные механизмы формирования социального представления, включающие элементы эмоционального отношения к изучаемому явлению. Это может означать, что при целенаправленном формировании социального представления о личности террориста нужно учитывать эти стихийно сложившиеся у людей механизмы.

Безусловно, работа по формированию социального представления должна начинаться с определения того представления, которое должно возникнуть у аудитории. Как показал анализ наиболее фундаментальных работ по анализируемой проблеме, авторы очень осторожно высказывают предположения о том, кто же такой террорист. Например, С. Рощин предлагает три психологические модели террористической личности. Первая модель – психопата-фанатика, т. е. террориста, у которого сфера сознания крайне сужена теми или иными доктринами, и им же подчинена его эмоциональная сфера. Поэтому он оказывается способным совершить все, что угодно. Вторая модель описывает террориста как фрустрированного человека, т. е. человека, которому по каким-то причинам не удалось достичь жизненно важных для него целей, и это является универсальным способом объяснения агрессивного поведения человека. Третья модель – человека из ущербной семьи, т. е. пережившего жестокое обращение родителей, социальную изоляцию, дефицит добрых отношений. При определенных условиях люди такого психологического склада легко могут стать инструментами террористической организации [2].

С. Ениколопов же считает, что, несмотря на наличие определенного числа общих психологических характеристик, говорить о существовании единого личностного террористического комплекса нет оснований. Он считает, что для большинства террористов характерна тенденция к экстернализации, к поиску источников своих личных проблем вовне, проецирование низкооцениваемых составляющих своего «Я» на окружающих, которые воспринимаются как источник угрозы [8].

Фактически проблема формирования социального представления о террористе может быть разделена на две: во-первых, проблема содержательного наполнения представления некоторым «набором» свойств, а во-вторых, проблема формирования отношения к террористической личности. Очевидный ответ, что население должно относиться к террористам «плохо» лишен даже видимой адекватности. Как – «плохо»? Ненавидеть? Опыт борьбы с терроризмом убеждает, что чем более агрессивна эта борьба, тем больший размах в конечном

счете приобретает террор. Жалеть? Обычно людей, причиняющих большой вред, не принято жалеть. Л.Я. Гозман и Е.Б. Шестопал, как уже цитировалось выше, предлагают вариант отношения к террористам как к *опасным сумасшедшим*. Вероятно, это наиболее приемлемый вариант, тем не менее, проблема адекватного социального представления о террористе и отношения к нему в настоящее время остается открытой.

Таким образом, проведенное исследование позволило сформулировать следующие выводы:

1. Проблема терроризма в настоящее время является одной из самых серьезных угроз благополучию населения многих государств. Вместе с тем, изучение столь грозного явления находится на начальных стадиях, ограничиваясь констатацией свершившихся фактов, предположениями о причинах его возникновения, типологией форм, средств и т. п. общетеоретическими данными.

2. Во многих исследованиях просматривается тенденция упростить понимание терроризма как социально-политического явления, сводя его, например, к политическим насильственным акциям или к деятельности исламских экстремистских группировок. Это создает атмосферу субъективизма в оценках проявлений терроризма, не имеющую дальнейших теоретических и прикладных перспектив.

3. В большинстве источников не просматривается подходов к решению проблемы терроризма. Как правило, исследователи ограничиваются констатацией сложности явления или приводят тактические схемы борьбы, представляющие собой алгоритм действия спецслужб в случае реального возникновения террористической угрозы. При этом упоминается важность разработки стратегических планов.

4. Организованные ранее исследования по изучению общественного мнения относительно того, кто такой террорист, обнажили существующий вакуум в представлении населения о личности террориста. В этой связи нами было организовано специальное исследование, направленное на изучение социального представления о личности террориста, существующего у современной молодежи (на примере студентов Казанского госуниверситета). Данное исследование позволило обнаружить, что существует типичное социальное представление, в котором закреплён портрет террориста как хорошего руководителя, наставника и организатора, уверенного, независимого, непосредственного, настойчивого в достижении целей, неконформного, скептически настроенного, лишённого чувства вины, зависимости от мнения окружающих, дружелюбного, готовности помогать и сочувствовать окружающим, альтруизма и т. п.

5. Обнаружено, что большинство респондентов (57%) не считают, что данные качества выражены у террористов до степени акцентуации или дезадаптации, при этом юноши гораздо чаще, чем девушки, склонны считать террориста психически полноценным человеком.

6. Проверка гипотезы о наличии сопряженности содержательных характеристик социального представления о террористе и индивидуально-типологических особенностей носителей данного представления позволила обнаружить ее справедливость для некоторых подгрупп. У большинства студентов социальное представление не было сопряжено с индивидуально-типологическими особен-

ностями, что расценивалось нами как когнитивный механизм его формирования. Одновременно с этим в некоторых подгруппах обнаружались значимые корреляционные взаимосвязи свойств, присваиваемых террористу, с собственными особенностями индивидуальности, при этом чаще всего с эмоциональными особенностями, такими как уровень тревожности и эмоциональной лабильности, что расценивалось нами как когнитивно-эмоциональный механизм формирования социального представления.

7. В качестве продолжения исследования считаем возможным рассмотреть особенности социального представления о террористе в связи с возрастными особенностями, уровнем образования, локусом контроля в различных областях жизни, смысложизненными ориентациями и т. п. Кроме того, практическое значение может иметь изучение социального представления о терроризме и сопоставление содержательного наполнения двух видов социальных представлений.

Summary

S.P. Politova. The particularities of the modern social fancy about the personality of the terrorist.

The article describes the results of psychological research about social fancy about the personality of the terrorist, existing in minds of modern teenagers (the example on KSU students). On the bases of the research a "portrait" of the terrorist was made which existed in the conscience of people. A systematic psychological analyses of particularities of this fancy according to the individual typological particularities of respondents was made, what allowed to find two mechanisms of fancy: cognitive, not connected with character and emotional properties of researched people, and cognitive-emotional, connected with these properties, high sensibility and emotional lability.

Литература

1. *Гаврилин Ю.В., Смирнов Л.В.* Современный терроризм: сущность, типология, проблемы противодействия. – М.: ЮИ МВД России, Книжный мир, 2003. – 66 с.
2. *Ольшанский Д.* Психология терроризма. – СПб.: Питер, 2002. – 288 с.
3. *Орлов Б.С.* Терроризм: нравственно-психологические аспекты // Актуальные проблемы Европы: Проблемы терроризма. – М.: ИНИОН РАН, 1997. – № 4. – С. 144–156.
4. *Устинов В.В.* Международный опыт борьбы с терроризмом: стандарты и практика. – М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2002. – 560 с.
5. *Гозман Л.Я., Шестопал Е.Б.* Политическая психология. – Ростов н/Д: Феникс, 1996. – 445 с.
6. *Андреева Г.М.* Психология социального познания. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 288 с.
7. *Собчик Л.Н.* Введение в психологию индивидуальности. – М.: ИПП-ИСП, 2000. – 512 с.
8. Психологи о терроризме («круглый стол») // Психол. журн. – 1995. – Т. 16, № 4. – С. 44–45.

Поступила в редакцию
23.10.06

Политова Светлана Павловна – кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры психологии кризисных и экстремальных ситуаций Казанского государственного университета.